

Алексей Королев

Треугольник смирения

Сквозь стекло, гадательно.

Алексей Королев

**Треугольник смирения.
Сквозь стекло, гадательно.**

«Издательские решения»

Королев А.

Треугольник смирения. Сквозь стекло, гадательно. / А. Королев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-697533-0

Пятьдесят человек в ловушке треугольника смерти, где каждые две минуты один исчезает по воле большинства. Среди страха и предательства главная героиня Анна выбирает не выживание любой ценой, а спасение человеческого облика. Это книга о том, как в абсолютной тьме рождается истинная соборность, а одна чистая жертва способна остановить безумный конвейер и подарить надежду маленькой Софии.

ISBN 978-5-00-697533-0

© Королев А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие. Взгляд в бездну	6
1. Никого нет дома. Пробуждение	7
2. Геометрия страха. Три стороны	9
3. Сортировка. Овцы и волки	11
4. Язык пользы. Рационализация	13
5. Свои и чужие. Вавилон в миниатюре	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Треугольник смирения Сквозь стекло, гадательно.

Алексей Королев

Иллюстратор Gemini

© Алексей Королев, 2026

© Gemini, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-7533-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие. Взгляд в бездну

Эта история не является отчетом о фантастическом эксперименте или описанием технического прогресса будущего. Она – о неизменной архитектуре человеческого духа. О том, что происходит с душой, когда с нее, словно старую краску, сдирают тонкий, веками наносимый слой цивилизации, оставляя человека наедине с первобытным страхом и абсолютной пустотой. В обыденной жизни добродетель часто кажется естественным выбором, удобным аксессуаром благополучного общества. Но какова истинная цена милосердия, если его единственной ставкой становится собственное дыхание? Что, если возможность остаться человеком требует не героического жеста, а тихого, добровольного шага в непроглядную тьму?

Сюжет разворачивается в пространстве, где время измеряется не часами, а исчезновениями. Пятьдесят человек, запертых в геометрии идеального треугольника, вынуждены ежеминутно решать уравнение, в котором неизвестным всегда является чья-то жизнь. Здесь, на светящихся платформах, под гудящим куполом, который не прощает движения, обнажаются скрытые аллеи человеческого естества. В этом вакууме, где, кажется, навеки замолчало Небо, разгорается самая масштабная битва в истории Вселенной – битва за право сохранить свое «Я», не превратив соседа в ресурс для выживания.

Через судьбы Анны, маленькой Софии, прагматичного Виктора и мудрого отца Николая прослеживается путь от хаоса и рационализации греха к возможности подлинного единства. Это повествование о поиске Истины в условиях, где логика пользы диктует убийство, а логика любви кажется безумием. В конечном счете, это книга о том, что даже в эпицентре адского конвейера может родиться Соборность, и одна чистая жертва способна остановить механизм смерти, доказав, что дух сильнее плоти.

1. Никого нет дома. Пробуждение

Тьма не была пустой. Она была плотной, тяжелой и пахла озоном, как воздух перед грозой, когда небо наливается свинцовой тревогой. Анна открыла глаза, но ничего не изменилось – веки лишь скользнули по липкой завесе мрака. Первым, что она почувствовала, был холод под босыми ступнями. Она стояла на чем-то гладком и твердом. Хотелось сделать шаг назад, инстинктивно нащупать опору или стену, но тело сковал странный, почти мистический паралич. Ноги не слушались. Она была прикована к своей точке в пространстве, словно шахматная фигура, приклеенная к доске чьей-то жестокой рукой.

– Здесь есть кто-нибудь? – голос Анны прозвучал тонко и надтреснуто.

Тишина в ответ не была молчанием, она была затишьем. И вдруг пространство взорвалось светом. Не мягким солнечным утром, а резким, хирургическим сиянием, которое ударило снизу. Прямо под ногами Анны вспыхнул матовый диск платформы. И такие же диски, один за другим, начали прорезать тьму вокруг.

Она зажмурилась, а когда зрение вернулось, перед ней предстала пугающая своей правильностью геометрия. Огромный зал, уходящий в бесконечность купола, и пятьдесят светящихся кругов, образующих гигантский треугольник. На каждом круге стоял человек. Сорок девять незнакомцев и она.

Мужчина в дорогом костюме, чье лицо перекосило от негодования. Старик в потертом пиджаке с добрыми, какими-то заоблачными глазами – Анна сразу зацепилась за его взгляд, ища в нем спасения. Женщина, прижимающая руки к округлому животу. Маленькая девочка в центре, чьи глаза казались больше её лица.

– Что это за место? Эй! Выпустите меня! – закричал кто-то с левого края. Это был рослый мужчина с резкими чертами лица, в котором угадывалась привычка командовать. Виктор. Он дернулся, пытаясь сойти с платформы, но воздух вокруг него вдруг загустел, пронзенный сиреновой вспышкой. Короткий, сухой треск, похожий на удар бича, и мужчина рухнул на колени, не выходя за пределы своего круга.

– Не двигайтесь! – выкрикнула Анна, сама не зная, откуда в ней взялась эта властность. – Посмотрите на купол.

Над их головами, в самой вышине темного свода, пульсировала багровая точка. Она не была светильником. Она была глазом. И этот глаз следил.

По залу пронесся коллективный вздох, переходящий в тихий стон. Люди начали просыпаться окончательно, осознавая свою неподвижность. Кто-то плакал, кто-то молился вполголоса, кто-то просто застыл, вперив взгляд в пустоту между рядами.

– Мы в ловушке, – произнес старик, которого Анна мысленно уже назвала отцом Николаем. Его голос был спокойным, лишенным паники, и от этого становилось еще страшнее. – Но дом наш не здесь. Помните об этом.

Вдруг в центре треугольника возникла проекция – цифры, сотканые из тусклого света. 02:00. И счет пошел вниз. Секунды таяли, отсчитывая ритм чьего-то чужого, безжалостного сердца.

– Что будет, когда время выйдет? – спросила Елена, та самая беременная женщина. Она смотрела на Анну, стоявшую на самой вершине, словно та знала ответы.

Но Анна не знала. Она видела, как люди на разных концах треугольника начинают переглядываться. В воздухе, помимо озона, разлился яд подозрения. Механизм был прост: они были зафиксированы, они были вместе, но каждый был на своем острове света.

– Смотрите на свои руки! – вскрикнул молодой парень во втором ряду.

На запястье у каждого проступило едва заметное свечение. Когда Анна посмотрела на соседа, она увидела, что стоит ей сосредоточить взгляд на ком-то, как платформа под этим человеком начинает пульсировать чуть ярче.

– Это голосование, – голос Виктора, уже пришедшего в себя после удара, прозвучал ста-
лью. – Они хотят, чтобы мы выбирали.

– Выбирали что? – прошептала Анна, хотя внутри уже знала ответ.

Когда на счетчике осталось десять секунд, купол загудел. Этот звук пробирал до костей, вызывая тошноту и первобытный ужас. Люди закричали. Кто-то начал хаотично указывать пальцем на других, кто-то закрыл глаза.

00:01. 00:00.

Вспышка была такой яркой, что на мгновение все ослепли. А когда свет опал, одна плат-
форма в основании треугольника оказалась пустой. Там только что стоял человек – кажется,
парень в спортивной куртке. Теперь там не было ничего. Ни одежды, ни обуви, ни пепла.
Только холодный, погасший диск.

В зале воцарилась тишина, которая была тяжелее любого крика. Сорок девять человек
смотрели на пустое место. Первый выбор был случайным – плод коллективного хаоса и неосо-
знанных взглядов. Смерть вошла в зал буднично, без пафоса, просто выключив свет в одной
из жизней.

– Нас убивают, – выдохнул кто-то в толпе.

Анна посмотрела на маленькую Софию. Девочка не плакала. Она смотрела прямо
на Анну, и в её зрачках отражался весь этот геометрический кошмар. В этот момент Анна
поняла: их привели сюда не для того, чтобы они умерли. Их привели сюда, чтобы они посмот-
рели друг другу в глаза, прежде чем нажать на курок.

На табло снова вспыхнуло: 02:00.

2. Геометрия страха. Три стороны

Пустота, оставшаяся на месте исчезнувшего юноши, казалась материальной. Она дышала холодом, всасывая в себя остатки коллективного мужества. Секундная стрелка невидимых часов внутри купола снова начала свой бег, и цифры 02:00 на табло вспыхнули с издевательской четкостью.

– Это не сон, – глухо произнес мужчина во втором ряду, судорожно сжимая воротник рубашки. – Это не розыгрыш и не телешоу. Нас просто вычеркивают.

Анна чувствовала, как по спине струится ледяной пот. Она стояла на самой вершине треугольника, и отсюда ей было видно каждое лицо, каждую судорогу страха. Люди стояли вдоль трех светящихся линий, и эта геометрия диктовала свои правила: ты видишь соседа, ты видишь врага, ты видишь жертву.

– Послушайте! – голос Анны дрогнул, но она заставила себя говорить громче. – Мы не должны поддаваться безумию. Если мы начнем тыкать пальцами друг в друга, мы проиграем. Нужно понять, как работает этот механизм.

– Он работает на наших инстинктах, красавица, – перебил её Виктор. Он уже стоял прямо, расправив плечи, и его взгляд, быстрый и цепкий, сканировал ряды. – Ты видела, как он исчез? Мы все посмотрели на него, потому что он закричал громче всех. Система считывает наше внимание. Внимание – это и есть голос.

Зал наполнился гулом. Люди осознали: каждый взгляд теперь – это прицел. Кто-то зажмурился, кто-то уставился в пол, боясь нечаянно «убить» соседа.

– Нам нужна система, – продолжал Виктор, и в его голосе проступили обертона вожака. – Если мы будем молчать и прятать глаза, выбор падет на случайного. На ребенка, на беременную, на полезного человека. У нас есть две минуты. За эти две минуты мы должны решить, кто из нас менее ценен для общества.

– Кто дал вам право измерять ценность жизни? – Анна подалась вперед, насколько позволяла невидимая преграда. – Жизнь не делится на доли и проценты. Как только мы согласимся с вашей логикой, мы станем деталями этого конвейера.

– Моя логика – это логика выживания! – отрезал Виктор. – Посмотри вокруг. Здесь пятьдесят... нет, сорок девять человек. Если мы не возглавим этот процесс, мы превратимся в стадо, которое загрызет само себя. У нас есть старики. У нас есть те, кто болен. Это математика, Анна. Жестокая, но честная.

В этот момент маленькая София, стоявшая в центре треугольника, тихо всхлипнула. Звук был почти неслышным, но в абсолютной тишине зала он прозвучал как удар колокола. Отец Николай, стоявший в первом ряду, медленно повернул голову к девочке. Его лицо было бледным, но удивительно мирным, словно он знал некую тайну, недоступную остальным.

– Математика не знает сострадания, – негромко произнес отец Николай. – Но человек – это не только сумма его функций. Если мы начнем убивать «бесполезных», мы умрем еще до того, как погаснут наши платформы.

– Старик, побереги нравоучения для другого места! – выкрикнул кто-то из сторонников Виктора. – У меня дома трое детей, и я не собираюсь исчезать только потому, что тебе хочется поиграть в святого!

На табло осталось 00:45. Воздух стал густым от напряжения. Группа начала расслаиваться. Те, кто стоял ближе к Виктору, невольно разворачивались в его сторону, ища защиты в его жесткой уверенности. Те, кто искал иного смысла, смотрели на Анну.

– Посмотрите на Елену! – Анна указала на беременную женщину, которая в ужасе прижимала руки к животу. – Вы и её предложите взвесить на ваших весах эффективности? Виктор, ваша система – это капитуляция перед тьмой.

– Моя система – это шанс для большинства! – рявкнул Виктор. – Тридцать секунд! Решайте! Либо мы выбираем сами, либо купол выберет за нас. Я предлагаю начать с тех, кто уже прожил свое. Это справедливо!

Люди начали метаться взглядами. Страх – самый древний и верный союзник смерти – делал свое дело. Кто-то из задних рядов уже уставился на дряхлого старика в углу, который едва держался на ногах. Диск под стариком начал пульсировать тревожным оранжевым светом.

– Нет! – закричала Анна. – Не смотрите! Закройте глаза!

Но было поздно. Психология толпы, подхлестнутая словами Виктора, сработала как спусковой крючок. Люди хотели верить, что есть «правильная» жертва, которая отсрочит их собственный конец.

00:10. Гул купола нарастал, переходя в невыносимый ультразвук. 00:05. Диск под стариком вспыхнул ослепительно белым. 00:01.

Вспышка. И снова тишина. Платформа в углу опустела.

Анна закрыла лицо руками. Она чувствовала, как внутри неё что-то надламывается. Логика пользы одержала свою первую победу. Треугольник стал короче на одну жизнь, но тяжелее на один общий грех. Виктор стоял, тяжело дыша, его лицо выражало мрачное торжество – он доказал, что может управлять хаосом.

– Мы только что убили человека, – прошептала Елена, и её голос сорвался на крик.

– Мы купили нам еще две минуты, – холодно ответил Виктор.

Табло обнулилось и снова показало: 02:00.

3. Сортировка. Овцы и волки

Зал наполнился гулом, который не был похож на человеческий ропот. Это был звук работающего механизма, в который вбросили горсть песка, но он перемолол её и пошел дальше, набирая обороты. Смерть старика в углу не стала трагедией – она стала прецедентом. Теперь у страха появилось оправдание, облеченное в форму суровой необходимости.

Виктор стоял неподвижно, его лицо в холодном свете платформы казалось высеченным из камня. Он почувствовал момент, когда воля большинства обмякла, готовая принять форму, которую он ей придаст.

– Послушайте меня внимательно, – голос Виктора разнесся под куполом, перекрывая тихие всхлипы. – Мы можем провести здесь вечность, проливая слезы, но счетчик не остановится. Мы только что увидели: если мы не управляем процессом, процесс управляет нами. Мы должны объединиться. Те, кто молод, те, кто силен, те, кто может принести пользу там, снаружи, когда это закончится. Мы – костяк. Мы должны решить, кто пойдет под нож ради того, чтобы остальные вышли из этих дверей.

– Вы говорите о «Легионе», – Анна произнесла это слово почти шепотом, но оно эхом отозвалось в рядах. – Вы создаете армию палачей, чтобы оправдать собственную трусость. Вы не спасаете «большинство», Виктор. Вы просто кормите зверя чужим мясом, надеясь, что до вас очередь дойдет последней.

– Это называется кризис-менеджмент, Анна, – Виктор даже не обернулся на неё. – Взгляните правде в глаза. У нас здесь двенадцатилетние дети, беременные, старики... и есть мужчины и женщины в расцвете сил. Кто нужнее миру? Кто сможет отстроить его заново? Мы должны установить очередность. Сначала те, чей ресурс исчерпан.

Люди заволновались. Идея «очередности» дарила иллюзию контроля. Если ты в списке в самом конце, значит, ты в безопасности. На табло горело 01:15. Время начало сжиматься, превращаясь в удавку.

– Я против! – крикнул молодой парень, стоявший рядом с Еленой. – Мы не имеем права!

– Тогда предложи свой вариант, парень, – холодно бросил Виктор. – Или через минуту мы все дружно посмотрим на твою подружку с животом, потому что она – самая слабая цель.

Елена вскрикнула, закрывая живот руками. Её глаза, полные дикого, звериного ужаса, заметались по лицам стоящих рядом. Она увидела, как некоторые головы невольно повернулись в её сторону. Логика Виктора начала прорасти в них, как плесень. Если не старик, то кто? Если не больной, то кто?

И в этой нарастающей какофонии голосов, когда воздух, казалось, начал искриться от ненависти, вперед, насколько позволяла платформа, подался отец Николай. Его седые волосы светились в лучах купола, создавая подобие призрачного нимба.

– Не нужно спорить о списках, – тихо сказал отец Николай. Его голос не обладал мощью Виктора, но в нем была глубина, заставившая людей притихнуть. – Вы ищете того, кто меньше всех хочет жить, чтобы облегчить свою совесть. Но таких здесь нет. Каждый из нас цепляется за свой вздох. Но если вам нужна жертва, чтобы успокоить этот механизм и дать себе время подумать – пусть это буду я.

В зале стало так тихо, что было слышно, как гудит электроника под полом.

– Вы с ума сошли? – Анна смотрела на него с болью. – Отец Николай, не делайте этого. Вы потакаете их злу.

– Нет, дочка, – старик слабо улыбнулся. – Я не потакаю. Я просто выхожу из их игры. Они хотят выбрать жертву, а я хочу сам стать приношением. В этом большая разница. Смерть, которую выбрали за тебя, – это убийство. Смерть, которую ты выбрал сам ради мира других, – это путь к жизни. Виктор прав в одном: нам нужно время. Пусть мое время станет вашим.

Он закрыл глаза и начал что-то шептать, едва шевеля губами.

Виктор на мгновение замер. В его плане не было места для добровольного ухода. Это ломало его систему страха, потому что страх работает только там, где за жизнь дрожат. Но он быстро справился с собой.

– Старик сделал свой выбор, – провозгласил Виктор, стараясь скрыть неуверенность в голосе. – Смотрите на него. Все смотрите на него. Это его воля.

Люди, испытывая постыдное облегчение, уставились на отца Николая. Платформа под ним засияла ослепительным, чистым светом. Это не было похоже на тусклое мерцание предыдущих голосований. Казалось, сам пол признавал величие этого момента.

Анна плакала, не закрывая глаз. Она видела, как отец Николай стоял прямо, не дрогнув, когда счетчик достиг нуля.

00:03. 00:02. 00:01.

Вспышка была мягче, чем прежде. Когда зрение вернулось к Анне, платформа отца Николая была пуста. Но на её месте осталось странное ощущение тепла, которое еще несколько секунд согревало холодный воздух зала.

– Он ушел, – прошептала София, впервые подав голос. Девочка смотрела на пустое место с благоговением.

– Он просто упростил нам задачу на следующий раунд! – рявкнул Виктор, пытаясь вернуть власть над толпой. – Легион, слушайте меня! Мы должны закрепить успех. В следующем кругу мы убиваем того, кто стоит на краю правого ряда, он ранен и только задерживает нас.

Анна посмотрела на Виктора. Она видела, как вокруг него смыкаются ряды «полезных» людей, чьи лица превращались в серые маски. Они стали волками. Но тень отца Николая, его спокойное присутствие в памяти, теперь стояло между ними и их окончательным превращением в зверей.

На табло зажглись новые цифры: 02:00. Битва за души только начиналась.

4. Язык пользы. Рационализация

Тишина, установившаяся после исчезновения отца Николая, была другой. Она не давила, а скорее звенела, как натянутая струна, которую боишься задеть. Но в этом зале тишина была роскошью, которую система не собиралась дарить. Цифры на куполе снова начали свой бег, и багровый свет, отражаясь от пустых платформ, создавал иллюзию того, что треугольник кро-
воточит.

Виктор заговорил первым. Его голос теперь звучал не просто уверенно, а буднично, как у хирурга, обсуждающего рутинную ампутацию.

– Мы все видели, что произошло. Старик совершил красивый жест, но давайте будем взрослыми людьми: он просто ускорил неизбежное. Его время истекло бы так или иначе. Теперь у нас есть две минуты, чтобы осознать новую реальность. Больше не будет случайных жертв. Не будет эмоциональных порывов. Мы вводим критерий социальной эффективности.

– Эффективности? – Анна почувствовала, как во рту пересохло. – Вы говорите о людях так, будто мы – бракованные детали на складе. Вы слышите себя, Виктор? Вы только что перешагнули через человека, который отдал за вас жизнь, и теперь пытаетесь превратить его жертву в оправдание для следующего убийства.

– Я говорю о сохранении вида, – Виктор обернулся к ней, и в его глазах Анна не увидела ни злобы, ни сомнения. Только холодную, выжженную пустоту прагматика. – Анна, вы преподаватель этики, верно? Ваша работа – рассуждать о добре в уютных аудиториях. Моя работа – делать так, чтобы те, кто сидит в этих аудиториях, завтра проснулись живыми. Посмотрите на тех, кто стоит рядом с вами. Вон тот мужчина, – он указал на бледного человека в очках, который мелко дрожал. – Вы знаете, кто он? Он ведущий инженер-атомщик. А рядом с ним – хирург. Если мы выйдем отсюда, они спасут тысячи жизней. А вон там, в конце ряда, парень, который не может связать двух слов и, судя по всему, находится в глубокой абстиненции. Каков ваш выбор, если на кону будет стоять жизнь хирурга и жизнь этого парня?

В зале началось движение. Люди, еще недавно парализованные ужасом, теперь начали вслушиваться. Слова Виктора были ядом, но это был яд, который утолял жажду страха. Он давал им структуру. Он давал им право ненавидеть «бесполезных», чтобы оправдать собственную волю к жизни.

– Это ловушка, – громко сказала Анна, обращаясь ко всем. – Поймите, как только вы согласитесь, что чья-то жизнь стоит меньше вашей, вы станете частью этого механизма. Вы думаете, что спасаете «полезных»? Нет, вы просто строите очередь к эшафоту, где порядок определяется вашим эгоизмом. Сегодня вы убиваете «бесполезного», завтра – «менее полезного», а послезавтра останетесь один на один с таким же убийцей, как вы сами.

– Но это лучше, чем хаос! – выкрикнула женщина из середины треугольника. – Я хочу вернуться к дочери! Моя жизнь нужна ей больше, чем жизнь того старика или этого пьяницы!

– Вот! – Виктор торжествующе вскинул руку. – Глас разума. Мы не убиваем, мы расставляем приоритеты. Это и есть язык пользы. Если Небо молчит, мы сами должны стать законом.

Он начал обходить взглядом ряды, и люди под его взором выпрямлялись, стараясь казаться нужнее, значимее. Это было жуткое зрелище: аукцион тщеславия в предбаннике смерти. Один вспоминал свои дипломы, другой – количество подчиненных, третий – налоги, которые он платит государству. Каждый пытался выстроить вокруг себя баррикаду из собственных достижений.

Анна посмотрела на маленькую Софию. Девочка стояла, прижав подбородок к груди, и казалось, что она стала еще меньше. Какую «пользу» мог предложить ребенок в мире Виктора? Её единственной ценностью была невинность, но в этом зале невинность была самой неконвертируемой валютой.

– Вы строите Вавилонскую башню на костях, – прошептала Анна. Она поняла, что её логика морали, её призывы к совести больше не работают. Для этих людей совесть стала обузой, лишним весом, который мешал им плыть в этой кислотной среде.

Виктор уже не слушал её. Он формировал «Легион». Он кивал тем, кто отвечал ему готовностью подчиняться. Он создавал фракцию «выживающих», которые заберут право выбора у всех остальных. Рационализация греха была завершена: убийство теперь называлось «необходимым сокращением издержек».

На табло осталось 00:20. Гул купола стал навязчивым, он вибрировал в зубах.

– Следующий, – негромко произнес Виктор, указывая на мужчину в самом конце, который молчал всё это время, вжав голову в плечи. – Он не произнес ни слова. Он не предложил никакой ценности. Он балласт.

Люди посмотрели на несчастного. В их глазах не было сострадания. Там был расчет. Чистый, ледяной расчет тех, кто только что получил индульгенцию на убийство.

00:05. 00:01.

Вспышка была короткой и сухой. Платформа погасла. Виктор удовлетворенно кивнул. Конвейер заработал по новым правилам, и в этом зале больше не осталось места для слов – только для приговоров. Анна поняла: чтобы победить Виктора, ей придется найти язык, который сильнее пользы. Язык, который он не сможет рационализировать.

5. Свои и чужие. Вавилон в миниатюре

Зал постепенно наполнялся тем родом тишины, который предшествует не миру, а окончательному распаду. Сорок восемь человек – те, кто еще дышал, – стояли в геометрии, ставшей их единственной реальностью. Теперь каждый вдох был краденым, а каждый взгляд – обвинительным. Система работала безукоризненно, отсекая тех, кто не вписывался в быстро возводимую Виктором вертикаль пользы. Но истинное испытание ждало их впереди: тьма решила проверить их не только на страх, но и на способность понимать того, кто на них не похож.

В третьем ряду, ближе к левому углу треугольника, стоял человек, который до этого момента казался лишь бессловесной тенью. Невысокий, с оливковой кожей и глубокими морщинами у глаз, он смотрел на происходящее с какой-то отрешенной скорбью. Когда Виктор в очередной раз начал свою речь о формировании «ударной группы выживания», этот человек заговорил.

Он произнес длинную, гортанную фразу на языке, который никто в зале не узнал. Это не был английский, французский или немецкий. Звуки перекатывались, словно камни в горном потоке, полные отчаяния и мольбы.

– Что он несет? – брезгливо бросил один из тех, кто уже прочно встроил себя в «Легион» Виктора. – Эй, ты! Говори по-человечески! Ты нас понимаешь?

Мужчина замолчал, обвел взглядом присутствующих и снова заговорил, на этот раз тише, прижимая руку к сердцу. В его интонациях слышалась попытка объяснить что-то бесконечно важное – возможно, о семье, оставшейся за пределами этого купола, или о том, что Бог один для всех, в каком бы месте Его ни призывали.

– Он не понимает ни слова, – констатировал Виктор, и в его голосе прорезалась опасная сухость. – Это проблема. В нашей ситуации коммуникация – это вопрос безопасности. Если он не понимает команд, он становится непредсказуемым фактором. Ошибкой в системе.

– Он просто напуган, как и все мы! – Анна почувствовала, как внутри закипает праведный гнев. – Посмотрите на него. Ему не нужны слова, чтобы вы видели его душу. Он протягивает вам руку в этой тьме, а вы ищете в его речи изъяны. Мы строим здесь Вавилонскую башню, Виктор. Вы разделяете нас на тех, кто «свой» по праву языка и силы, и на «чужих», которых можно вычеркнуть просто потому, что их молитва звучит иначе.

– Анна, оставьте лирику, – Виктор обернулся к ней, и его лицо было непроницаемо. – У нас на табло минута сорок. Мы не можем тратить время на обучение иностранца нашему алфавиту. Он не может участвовать в обсуждении, он не может голосовать осознанно. Он – слепое пятно. Если он нажмет не на ту «кнопку» своим взглядом, погибнет кто-то из нас. Кто-то, кто понимает правила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.